

**Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная система детских библиотек» г.о.Самара
филиал №3**

Проект

«И дольше вечности длился день...»

(О повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича»)

Автор проекта:

Библиотекарь МБУК «ЦСДБ» филиала №3

Горбачева Елена Владимировна

Самара 2018

Пояснительная записка

Проблема человека и власти, проблема преступления власти против личности становится в Советской России актуальной в 20-е гг. XX века, когда государство явно и ярко приобретает черты тоталитарного государства.

Проблема русского национального характера в контексте трагической эпохи стала сквозной темой отечественной литературы XX века.

И А.И.Солженицын её также исследует.

Цели проекта:

- Вызвать интерес к личности и творчеству А.И.Солженицына, ставшего символом открытости, воли и русской прямоты;
- Показать «необычный жизненный материал», взятый в основу повести «Один день Ивана Денисовича»
- Подвести учащихся к осмыслению трагической судьбы человека в тоталитарном государстве.

Задачи:

- Познакомить с историей создания повести «Один день Ивана Денисовича», его жанровыми и композиционными особенностями;
- Отметить особенности художественного мастерства писателя;
- Рассмотреть отражение трагических конфликтов истории в судьбах героев.

Проект краткосрочный, индивидуальный, в стадии реализации

Временные рамки: декабрь 2018 года

Участники проекта: дети старшего школьного возраста, читатели библиотеки

Библиотекарь: Горбачева Е.В.

Будет использоваться групповая форма работы.

Предлагается текстуальное, а не обзорное изучение данного произведения, т.к. «лагерная тематика» может быть не понята учащимися, если они не обращаются непосредственно к тексту произведения.

Изучение «Одного дня» позволяет показать, какова роль художественной литературы в процессе открытия трагических страниц отечественной истории XX века.

11 декабря 2018 года исполнится 100 лет со дня рождения Александра Солженицына. Сегодня его знает весь мир. Лауреат Нобелевской премии, автор «лагерной» прозы, выдающийся социальный мыслитель – одна из ключевых фигур в истории XX века.

Значение творчества А.Солженицына, как и его вклад в литературу России, трудно переоценить, именно поэтому Президент России В.В.Путин издал Указ о праздновании юбилея писателя в 2018 году.

Социальная значимость проекта: приобщение к чтению, как важнейшему способу освоения жизненно значимой информации. Без чтения немыслима интеграция личности в многонациональную российскую культуру. От уровня культурной компетентности граждан во многом зависят экономика, политика, национальная безопасность и конкурентоспособность страны.

Изучение творчества Солженицына обусловлено масштабом его личности и тем значением, которое эта фигура имеет для истории развития общественной мысли России второй половины XX века и истории литературы в целом.

Решаемые проблемы: научиться выполнять анализ прозаического текста «повышенной сложности» «лагерной» прозы, работать в группах.

Технологии: здоровьесбережения, дифференцированного подхода в обучении, поэтапного формирования умственных действий, проблемного обучения, педагогики сотрудничества, развития исследовательских навыков, информационно-коммуникационные

Планируемые образовательные результаты:

Предметные – научиться анализировать прозаический текст «повышенной сложности»;

Метапредметные:

а) познавательные: уметь осмысленно читать и объяснять значение прочитанного, уметь устанавливать аналогии, ориентироваться в разнообразии способов решения задач.

б) регулятивные: формулировать и удерживать учебную задачу, определять последовательность действий, оценивать достигнутые результаты и адекватно формулировать их в устной форме.

в) коммуникативные: уметь формулировать собственное мнение и свою позицию, умение извлекать из текста необходимую информацию.

Личностные: понимать, что творчество А.И.Солженицына является одним из основных национально-культурных ценностей русского народа, проявлять уважительное отношение к родному языку, гордость за него, формировать навыки взаимодействия в группе по алгоритму выполнения задачи при консультативной помощи библиотекаря.

Ход реализации проекта:

1. Организационный этап
2. Реализация домашнего задания (прочтение произведения)
3. Постановка цели и задач проекта. Мотивация учебной деятельности.
Работа над темой проекта.

I. Работа над темой проекта

История создания повести

Повесть А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» впервые увидела свет в ноябре 1961 г. на страницах журнала «Новый мир». Эта повесть – беспощадно-честный анализ уже окончательно сложившегося механизма подавления личности. Она создана на основе автобиографического материала, события в ней показаны глазами человека «оттуда».

Непростой была история создания повести. Само возникновение замысла, по единодушному мнению исследователей солженицынского творчества, относится к началу 1950-х гг., когда будущий знаменитый писатель находился на общих работах в Экибастузском знаменитом лагере. Летом 1959 г. А.И.Солженицын заканчивает произведение, озаглавленное «Щ-854», а спустя два года вновь возвращается к его тексту. «Я не знал – для чего, - отмечал позднее писатель, - просто взял «Щ-854» и перепечатал облегченно, опуская наиболее резкие места и суждения. Сделал зачем-то – и положил. Но положил уже открыто, не пряча. Это было очень радостное освобождённое состояние! – не ломать голову, куда прятать новозаконченную вещь, а держать её просто в столе – счастье, плохо ценимое писателями. Ведь никогда ни на ночь я не ложился, не проверив, всё ли спрятано и как вести себя, если ночью постучат».

Затем наступил черёд трудных и напряжённых размышлений о том, как распорядиться рукописью. И в результате А.И.Солженицын пришёл к твёрдому решению – начать борьбу за её публикацию. Серьёзное влияние на этот судьбоносный выбор оказала социально-политическая ситуация, сложившаяся под влиянием острой критики культа Сталина на XXII съезде КПСС, проходивший осенью 1961 г. Обратимся вновь к воспоминаниям писателя: «Давно я не помнил такого интересного чтения, как на XXII съезде! В маленькой комнатке деревянного прогнившего дома, где все мои

многолетние рукописи могли сгореть от одной несчастной спички, я читал, читал эти речи – и стены моего затаённого мира заколебались как занавеси театральных кулис, и в своём свободном колебании расширились и меня колебали и разрывали: да не пришёл ли долгожданный страшный радостный момент – тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды?»

В ноябре 1961 г. близкий друг А.И.Солженицына, критик и литературовед-германист Л.З.Копелев передал рукопись редакции «Нового мира». Журнал возглавлял А.Т.Твардовский, высоко оценивший и активно поддержавший произведение дотоле совершенно неизвестного автора. И это вполне закономерно. Ведь Солженицын «явился на готовую мечту Твардовского о художнике – свидетеле из каторжного ада, который показал бы, что для настоящего искусства нет запретных тем и правда победительна».

Солженицын А.И. едва ли не первым в русской советской литературе открыто и страстно заговорил на языке искусства слова о жертвах массовых репрессий, о суровых испытаниях, выпавших на долю миллионов людей в лагерях и ссылках.

Повесть «Один день Ивана Денисовича» оказалась своего рода пионерским прорывом в новый, практически ещё не тронутый к тому времени тематический пласт. Впечатление от повести усиливалось ещё и потому, что за плечами её автора стоял собственный, незаёмный жизненный опыт.

Рождённые писательской фантазией ситуации и характеры привлекли внимание читателей предельной естественностью и достоверностью, они были словно выхвачены из самой действительности «скрытой камерой».

А.И.Солженицын отмечал: «Как это родилось? Просто был такой лагерный день, тяжёлая работа, я таскал носилки с напарником и подумал, как нужно бы описать весь лагерный мир – одним днём. Конечно, можно описать свои десять лет лагеря, там, всю историю лагерей, - а достаточно в одном дне всё

собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра и до вечера.

Итак, лагерная жизнь – одним днём. В этой афористической формуле и заключается, пожалуй, ключ к пониманию внутреннего мира повести, насквозь пронизанного глубинными связями, «со своими героями и языком», реализующими не только конкретный замысел данного произведения, но и выражающими в той или иной степени взгляды художника на человека, природу, историю и Вселенную.

II. Пространственно-временная система повести

Сравнительные характеристики героев

Обратимся вначале к пространственно-временной системе повести «Один день Ивана Денисовича», ибо субъективное пространство – время созданного писателем – творцом художественного мира во многом определяет всю его архитектонику.

Главная и чрезвычайно ответственная функция пространства в повести – это враждебное противостояние действующим лицам. При этом оно предельно замкнуто и ограничено, замкнутость – его доминирующее качество, важнейшая характеристика, тождественная несвободе личности или даже смертельной опасности. Данное соотношение задаётся уже в самом начале произведения, в описании пробуждения центрального персонажа, заключённого №Щ-854 Шухова Ивана Денисовича. Окружающая среда отчетливо предстаёт здесь как абсолютно враждебная герою и неодолимая сила, разрушающая блаженное забытие. Следует лаконичное, но предельно выразительное описание интерьера лагерного барака, углубляющее и усиливающее это представление: «...на окне наледи наметано, и на стенах вдоль стыка с потолком по всему бараку – паутинка белая. Иней»

Из барака Иван Денисович попадает в надзирательскую – и здесь враждебность окружающего пространства подчеркивается полученным заданием: вымыть полы. Затем лагерная столовая...

Дальнейшее движение героев – это лишь цепочка перемещений из одной клеточки герметического пространства в другую, обрывающаяся в финале там же, где и началась – в бараке. Причем, данная пространственная замкнутость как бы уравнивает и несчастных заключенных, и их безжалостных утеснителей – лагерное начальство, охрану и надзирателей, и так называемых вольнонаёмных работников. Никому в повести не дано преодолеть чётко проведённые границы. Так подчеркивается автором масштаб того социального зла, которое и породило лагерный мир.

Даже природа как бы деформируется под воздействием его особых закономерностей: она полностью лишена каких-либо позитивных, идеальных ценностей, в ней нет ни красоты, ни добра, ни истины. Полноценный диалог человека с ней, в сущности, исключается. Это наглядно демонстрируют, в частности, пейзажные зарисовки, проходящие лейтмотивом через всё произведение.

«Мороз был со мглой, прихватывающей дыхание. Два больших прожектора были по зоне наперекрест с дальних угловых вышек. Светили фонари зоны и внутренние фонари. Так много их было наткано, что они совсем засветляли звёзды».

«Свистит ветер над голой степью – летом суховей, зимой морозный. Отроду в степи той ничего не росло, а меж проволоками четырьмя – подавно».

От структуры пространства неотделима организация художественного времени, устанавливающего особые связи между событиями и персонажами. Мир героев солженицынского произведения – это мир жестоких, неотвратимых закономерностей, тождественных самой логике тотального насилия над человеком, чья жизнь становится лишь ощущением неизбежности, запрограммированной этим насилием. В качестве его специфического оружия выступает и время. Отсюда – доминирование его фабульной модификации, которая отмечена в данном случае предельно жесткой хронологической последовательностью и дробностью. Вне зависимости, ведётся ли отчёт повествователем или кем-либо из действующих лиц, фабульное время течёт, неукоснительно повинуюсь лагерному распорядку дня. Отметим, что в него включается и природа. Демонстративно точные указания на тот или иной момент суток неизменно соотносятся с положением Луны и Солнца, а также с другими астрономическими приметами:

«Солнце и за крайком верхним за землю ушло»

«Месяц выкатывал всё выше, в белой светлой ночи настаивался мороз»

«Высоко месяц вылез! Ещё столько – и на самом верху будет»

Весьма показателен диалог Шухова и Буйновского, развивающий рассматриваемый мотив:

«- Не иначе как двенадцать, - объявил и Шухов. – Солнышко на перевале уже.

- Если на перевале, - отозвался кавторанг, - так, значит, не двенадцать, а час.

- Это почему ж? – поразился Шухов. – Всем дедам известно: всего выше солнце в обед стоит.

- То – Дедам! – отрубил кавторанг. – А с тех пор декрет был, и солнце выше всего в час стоит.

- Чей же эт декрет?

- Советской власти!»

Этот постоянно воспроизводящийся пространственно-временной круг, абсолютизирующий настоящее, предельно ограничивает и самосознание героев. Они помимо собственной воли отсекаются от прошлого и будущего, лишаясь тем самым полноты мировосприятия:

«Так вот живёшь об землю рожей, времени-то не бывает подумать: как сел? да как выйдешь? – замечает Солженицын.

Подлинное раскрытие потенциала личности во многом зависит от её способности к целеполаганию и целеосуществлению, от её умения осмысливать своё место и самоопределиться в меняющемся мире не только в свете повседневной эмпирической адаптации в настоящем (а именно на это обречены солженицынские герои), но и ретроспективно и проективно, через усвоение ранее накопленного опыта и культурного наследия и в плане

предвосхищения или предощущения будущего, в связи с многосложным процессом освобождения от внешних и внутренних факторов, препятствующих самоутверждению Человека. Солженицын впечатляюще показывает, как социальная стихия разрушает гармонию этого трёхэлементного Времени, где каждый миг – окно, распахнутое во все времена.

Вот сам Иван Денисович Шухов. Автор следующим образом характеризует его драматический разрыв с собственным прошлым:

«И вспомнить деревню Темгенёво и избу родную ещё меньше и меньше было ему поводов... Здешняя жизнь трепала его от подъёма и до отбоя, не оставляя праздных воспоминаний»

А что ожидает его? Авторский комментарий неутешителен:

«По лагерям да по тюрьмам отвык Иван Денисович раскладывать, что завтра, что через год да чем семью кормить. Обо всём за него начальство думает... Шухову и приятно, что на него пальцем тычут: вот он-де срок кончает, - но сам он в это больно не верит. Вон, у кого в войну срок кончился, всех до особого распоряжения держали, до сорок шестого года. У кого и основного-то срока три года было, так пять лет пересидки получилось. Закон – он выворотной. Кончится десятка – скажут, на тебе ещё одну. Или в ссылку.

А вот блестящий морской офицер, капитан второго ранга («кавторанг», как он постоянно именуется в тексте) Буйновский. В отличие от Ивана Денисовича, которому в лагере всё-таки помогает исконная крестьянская сноровка, Буйновский полностью лишён возможности хоть как-то опереться на свой прошлый опыт, что заметно осложняет его и без того нелёгкое положение. А недалёкое будущее несёт ещё более тяжкие испытания. Ведь за отчаянную попытку отстоять справедливость в споре с лейтенантом Волковым, которого «не то что надзиратели – сам начальник лагеря боится», Буйновского отправляют в страшный БУР – барак усиленного режима.

«Десять суток! Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, - это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулёз, и из больничек уже не вылезешь.

А по пятнадцать суток строгого кто сидел – уж те в земле сырой»

Особое место в пространственно-временном круге лагерного мира занимает Алёшка-баптист, сумевший вопреки строжайшим запретам сберечь «книжечку» с переписанными евангельскими текстами. Не случайно в повести настойчиво подчеркивается его отстранённость, отъединённость от повседневной обыденности. Ибо духовное общение с Евангелием означает своего рода прорыв в иное измерение, стремящееся к безграничному расширению до масштабов вечности, до охвата всего мироздания.

Как известно, литературное произведение обретает «всю свою жизненную одушевлённость и социально-историческую характерность, красочность и пластичность собственной пространственно-временной картины мира» в предметно-психологической детализации. Поэтому вполне понятна отмеченная некоторыми исследователями и критиками своего рода одержимость Солженицына деталями, с помощью которых писатель убедительно раскрывает взаимосвязи человека с окружающими. Это проявляется в особой смысловой и эмоциональной насыщенности подробностей лагерного быта, с предельной скрупулёзностью воссоздаваемых писателем.

Даже незначительное, мелкое на первый взгляд, обстоятельство сопровождается нередко развернутым комментированием. В этом плане весьма показателен уже упоминавшийся выше эпизод с надзирательской.

Иногда даже целую биографию Солженицын выстраивает только с помощью тщательно отобранных, предельно выразительных деталей. Именно так рисуется портрет безымянного заключённого Ю-88, проведшего в ГУЛАГЕ около трёх десятков лет. (Описание портрета).

Многие критики и литературоведы, писавшие о повести «Один день Ивана Денисовича» в самом начале 1960-х гг., сразу после первой публикации, и позднее, рассматривали произведение в первую очередь как обвинительный приговор преступлениям «эпохи Сталина». Такая трактовка, как представляется, вполне правомерна. И в то же время подобный подход явно упрощает социально-философскую концепцию произведения. Писатель сумел найти самообытный подход к художественному осмыслению «неброского, будничного мужества народа, который хотел жить, когда естественно было хотеть умереть; его суровой и мудрой чистоты, внутренне всегда противостоящей беззакониям разнузданной власти; его скрытой духовной силы, позволяющей человеку оставаться человеком в условиях нечеловеческих. Не только обличительно-взыскующее начало задаёт тон у Солженицына. В фокусе авторского внимания находятся истоки и приметы нравственной стойкости и честности простых, «маленьких» людей, сохранивших в себе доброту созидания вопреки жестокому воздействию социального зла, глубоко враждебного исконным народным представлениям о совести и морали.

В этом плане показателен уже сам выбор Солженицыным Ивана Денисовича Шухова в качестве центрального персонажа. Ведь главная ценность литературного героя – показатель не только индивидуального (героя и самого автора), но и общественного сознания. Поэтому идея, исповедуемая писателем, проецируясь на героя, включает его в общую структуру произведения и выявляет тем самым ценностный код – формулу содержания.

Иван Денисович – это своеобразное воплощение национального характера, достаточно многоликого и неоднозначного. Он предстаёт то как бескомпромиссный носитель твёрдых убеждений и моральных принципов, то как человек, гибко приспосабливающийся к обстоятельствам и сознательно уходящий от активного протеста, то как истовый приверженец патриархальных традиций народного жизнеустройства, то как скептик,

бесстрашно оспаривающий священные евангельские заповеди. Но всё-таки главное, что выделяет автор, - это недюжинная нравственная сила героя, позволяющая ему так или иначе преодолевать лишения и тяготы, из которых буквально соткано всё лагерное бытие. Шухов, «неразличимо сливающийся» с массой, при ближайшем рассмотрении оказывается человеком прекрасным и полным необычных возможностей.

Хроника одного дня из жизни Ивана Шухова – это и рассказ о трудной борьбе за сохранение в сознании «массового человека» нравственных устоев, ориентированных на общегуманистические начала, и в то же время соответствующих народным идеалам. Одним из источников особого воздействия солженицынской прозы – в тонком умении писателя показать незримое присутствие этического абсолюта в той будничной реальности, где, на первый взгляд, ему нет места. И вместе с тем на примере шуховской судьбы А.И.Солженицын убедительно показывает необходимость непрестанных внутренних усилий индивидуума для того, чтобы этические принципы оставались действенной нормой поведения.

Ключ к расшифровке сущностной ценности героя заключается в уже рассматривавшемся выше начальном эпизоде повести. «Смысл экспозиции персонажа, - пишет Л.Я.Гинзбург, - состоит в том, чтобы сразу создать читательское отношение, установку восприятия, без которой персонаж не в состоянии выполнить свои функции. Поэтому самые первые его появления, первые сообщения о нём, упоминания чрезвычайно действительны, ответственны. Это индекс, направляющий, организующий дальнейшее построение. Представляя читателю своего героя, приступая к его внешней и внутренней обрисовке, А.И.Солженицын особо подчёркивает:

«Шухову крепко запомнились слова его первого бригадира Кузёмина – старый был лагерный волк сидел к девятьсот сорок третьему году уже двенадцать лет, и своему пополнению, привезённому с фронта, как-то на голой просеке у костра сказал:

- Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подышает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать»

Настойчивое стремление сохранить человеческое достоинство, избежать рабского подчинения беспощадным «законам тайги» как раз и определили логику развёртывания образа Ивана Шухова.

А точкой опоры для него оказывается ремесло, доведённое до высокой степени совершенства. И потому одно из центральных мест в художественной структуре повести отведено эпизоду строительства ТЭЦ, в котором Шухов предстаёт перед читателем как искусный мастер-каменщик, всецело поглощённый созидательным преобразованием мира, самозабвенно увлечённый этим делом, находящий в нём источник высокого вдохновения и душевной гармонии.

О работе Ивана Шухова и его 104-й бригады Солженицын повествует и с глубоким знанием её важнейших особенностей, и с неподдельным волнением. По существу, здесь мы встречаемся с поэтическим исследованием строительного ремесла. Важно, отметить, что мастерство в данном случае выступает как категория духовного порядка, очищенная от каких-либо конъюнктурно-политических наслоений. По точному определению современных критиков, «повесть содержит едва ли не первое в русской литературе прославление именно профессионального труда, свободное от идеологических обертонов. Человек должен заниматься своим делом, которое знает и любит – не благодаря, не вопреки, а вне зависимости. В этом смысл трудовых эпизодов в «Одном дне Ивана Денисовича».

Говоря о центральном персонаже повести «Один день Ивана Денисовича», следует указать, что его «голос» отнюдь не является безоговорочно доминирующим в произведении. Писатель органично соединил принципы персонажного повествования, в рамках которого все события и процессы

пропускаются сквозь призму восприятия какого-либо героя, с одной из разновидностей аукториального повествования. Она позволила сознанию автора-повествователя обрести «неограниченную осведомлённость», способность к широкому панорамированию внешнего мира и свободному совмещению с сознанием действующих лиц, хотя, разумеется, система нравственных оценок внутри художественного целого неизменно сохраняет четкость и определённую, а авторский голос чаще всего сливается именно с сознанием Ивана Денисовича.

III. Своеобразие языка повести

Также нужно отметить своеобразие языка повести, синтезирующего различные модификации несобственно-прямой и несобственно-авторской

речи. В рамках этой исключительной гибкости и разноплановой языковой стихии органично сосуществуют герои, представляющие очень широкий социально-психологический спектр. Московский интеллигент, кинорежиссёр Цезарь Маркович и сельский паренёк Гопчик, угодивший в лагерь за то, что носил молоко в лес бандеровцам, основательный, степенный латыш Кильдигс и Дэр, бывший министерский чиновник, превратившийся в строительного десятника, и многие другие. Но особое место в этом длинном ряду занимает Андрей Прокофьевич Тюрин, бригадир Шухова.

Подробный рассказ-исповедь Тюрина о своей судьбе явно выделяется и приобретает в тексте характер автосемантии, которая служит как бы паузой, остановкой, передышкой. Она отключает внимание читателя от линии повествования, иногда поднимая какое-либо явление на уровень философского обобщения. Развёрнутый монолог солженицынского героя как раз и «разрывает» повествовательную линию, представляющую собой последовательное описание работы 104-й бригады на строительстве ТЭЦ.

Драматическая история Андрея Тюрина – это история человека, попавшего в жернова насильственного переустройства общества. Череда злоключений героя началась после того, как обнаружили его кулацкие «корни». Стрелка-пулеметчика, отличника боевой и политической подготовки Тюрина уволили по безжалостному приказу командира полка из армии с «с лютой справочкой» в руках, «выпихнули из военного городка» в разгар зимы – без тёплой одежды, без денег, без продуктов, без железнодорожных документов. Так Тюрин стал изгоем, врагом народа. С огромным трудом добрался он до отчего дома:

«Отца уже угнали, мать с ребятишками этапа ждала», - вспоминает герой.

Воссоздавая биографию Андрея Тюрина, столь типичную для периода «большого террора», писатель выдвигает на первый план деформацию этического начала под чудовищным давлением жизненных реалий и в то же

время свидетельствует о сохранении моральных ориентиров в непрекращавшемся калейдоскопе кровавых эксцессов. Не случайно Тюрин отвлекается от естественной хронологии событий своей жизни и замечает:

«...Между прочим, в тридцать восьмом на Котласской пересылке я своего бывшего комвзвода встретил, тоже ему десятку сунули. Так узнал от него: и тот комполка и комиссар – оба расстреляны в тридцать седьмом. Так уж были они пролетарии или кулаки. Имели они совесть или не имели... Перекрестился я и говорю: «Всё ж Ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь, до больно бьёшь».

Спустя несколько десятилетий тема, обозначенная рассказом Андрея Тюрина, получит развитие в повести В.Быкова «Облава», опубликованной в 1990 г.

Анализируя повесть «Один день Ивана Денисовича», нельзя не сказать, хотя бы кратко, о её месте в развитии мирового искусства слова XX столетия, связи с которым и сам писатель, судя по всему, ощущал очень глубоко. Например, в Нобелевской лекции он дал образное определение мировой литературы «как единого большого сердца, колотящегося в заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу».

Одним из важнейших тематических направлений стало отражение и осмысление особой ситуации, в которой оказался современный человек. В отличие от других эпох он очень часто «выбрасывается из постоянных социальных связей, прочных ниш цивилизации; он меньше живёт в своём доме и трудится на своём рабочем месте, чем гибнет в окопах, концлагерях, трясётся в эвакуационных теплушках рядом с извечно случайными спутниками. Внешние силы «социальной среды» или «социальных условий» уже ни в какой мере не подпирают индивида, но прямо направлены против

него. И индивид выживает в борьбе с этими «условиями его смерти», только самоопределяясь от них.

Повесть А.И.Солженицына как раз и находится в ряду произведений, изображающих противостояние индивидуума «условиям его смерти», напряжённый поединок человека с враждебным миром.

Размышляя о повести «Один день Ивана Денисовича», вновь и вновь задаёшься вопросом: что же хотел сказать людям автор? Пожалуй, вот эти пронзительные и мудрые слова одного из классиков мирового искусства У.Фолкнера могут в какой-то мере прояснить глубинный смысл повести: «Я отказываюсь принять конец человека. Когда с последней ненужной твердыни, одиноко возвышающейся в лучах последнего багрового и умирающего вечера, прозвучит последний затихающий звук проклятия, даже и тогда останется ещё одно колебание – колебание его слабого неизбежного голоса. Я верю в то, что человек не только выстоит: он победит. Он бессмертен не потому, что только он один среди живых существ обладает неизбежным голосом, но потому, что обладает душой, духом, способным к состраданию, жертвенности и терпению.

Вопросы для обсуждения повести «Один день Ивана Денисовича»

1. Как можно оценить утверждение первого шуховского бригадира Кузёмина об особых законах лагерного мира? Почему автор приводит его в самом начале произведения?
2. Какие черты сближают Ивана Денисовича Шухова с такими героями отечественной прозы 1960-1970-х гг., как Иван Африканович Дрынов («Привычное дело» В.Белова), Аким («Царь-рыба» В.Астафьева), Иван Петрович Егоров («Пожар» В.Распутина)?
3. Каков, по вашему мнению, смысл спора Шухова с Алёшкой-баптистом?
4. Почему писатель особо выделяет в тексте повести воспоминания Андрея Тюрина? Каково их место во внутреннем мире произведения?
5. Одна из отличительных черт прозы А.И.Солженицына – глубокий психологизм, умение показать героев как бы «изнутри». Как проявляется данная особенность стиля писателя в «Одном дне Ивана Денисовича»?
6. Какие сцены являются кульминационными в развитии действия и почему?
7. Финал литературного произведения – своеобразная мера его художественности и выражение авторских представлений о мире и человеке. Как, с этой точки зрения можно истолковать завершающий аккорд повести «Один день Ивана Денисовича»?

Заключение

Повесть «Один день Ивана Денисовича» - это художественный итог напряжённых писательских раздумий над трудными, порой мучительными уроками российской истории, сохраняющими свою живую актуальность и сегодня, в XXI веке. Обращение к этому произведению позволяет не только глубже, объёмнее осмыслить опыт прошлого, но и лучше понять многие драматические коллизии современности. Это тем более важно потому, что нравственно-гуманистические ценности, последовательно отстаиваемые писателем, подвергаются самым серьёзным испытаниям по сей час. А без их сохранения и преумножения невозможно подлинное обновление и преодоление многочисленных социально-нравственных деформаций.

Список использованной литературы

1. Акимов В. «...Но люди и здесь живут!» («Один день Ивана Денисовича» А.Солженицына) [Текст] // Акимов В. На ветрах времени. Ленинград: Детская литература, 1991. – 11 с.
2. Андреев Ю. Размышления о повести А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в контексте литературы 60-х годов [Текст] // Радуга. - 1991. - №6. – 117 с.
3. Архангельский А. О символе бедном замолвите слово. «Малая» проза Солженицына: «Поэзия и правда» [Текст] / А.Архангельский // Литературное обозрение. - 1990. - №9. – 24 с.
4. Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [Текст] / Т. Винокур // Вопросы культуры речи. Вып. 6. Москва: Наука, 1965. – 21 с.
5. Винокур Т.Г. С Новым годом, шестьдесят вторым... [Текст] / Т.Винокур // Вопросы литературы. - 1991. - №11-12. - 69 с.
6. Гинзбург Л. О литературном герое [Текст] / Л.Гинзбург. - Ленинград : Советский писатель, 1979. – 223 с.
7. Днепров В. Черты романа XX века [Текст] / В Днепров . – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1965. - 548 с.
8. Лакшин В. Иван Денисович, его друзья и недруги [Текст] / Лакшин В. Пути журнальные. Из литературной полемики 60-х годов. Москва: Советский писатель, 1990. – 429 с.
9. Латынина А. За открытым шлагбаумом: литературная ситуация конца 80-х. [Текст] / А. Латынина. Солженицын и мы; Крушение идеократии (От «Одного дня Ивана Денисовича» к «Архипелагу ГУЛАГ»). Москва: 1991. - 366 с.
10. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 3. Москва: ИНКОМ-НВ. 1991. – 352.
11. Солженицын А.И. Нобелевская лекция [Текст] / А.Солженицын // Новый мир. - 1989. - №4. – 272 с.

12. Солженицын А.И. Рассказы. [Текст] / А.Солженицын. - Москва: Современник, 1989. – 352 с.
13. Писатели США о литературе. [Текст]. В 2 т. Т.2 / Уильям Фолкнер. Речь при получении Нобелевской премии. - Москва: Прогресс, 1974. 546 с.